

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ТИПАЖ «ПЕТЕРБУРЖЕЦ» В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

Васильева Юлия Александровна, кандидат филологических наук, главный редактор Издательского дома «Астраханский университет», Астраханский государственный университет, 410056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: gis_00@mail.ru.

Золотых Лидия Глебовна, доктор филологических наук, профессор, Астраханский государственный университет, 410056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: zolotyhlg@yandex.ru.

В статье рассматриваются понятийные, ценностные и перцептивно-образные характеристики лингвокультурного типажа «петербуржец» в русском языковом сознании как лингвокультурного концепта, конкретизирующегося в виде типажа с определёнными понятийными, образными и оценочными характеристиками. Характеристики данного типажа имеют сходство и различия в сознании жителей Санкт-Петербурга и сторонних наблюдателей. В статье выделен содержательный минимум признаков, обозначающих данный типаж, и представлено ассоциативное расширение этих признаков в художественных и публицистических текстах. Материалами исследования послужили фрагменты художественных и публицистических текстов, характеризующие лингвокультурный типаж «петербуржец» в русском языковом сознании.

Ключевые слова: лингвокультурный типаж, петербуржец, русское языковое сознание, понятийные, ценностные и перцептивно-образные характеристики, речевой портрет, русская лингвокультура

LINGUISTIC-CULTURAL TYPE "PETERSBURGER" OF RUSSIAN LINGUISTIC MENTALITY

Vasilieva Julija A., Candidate of Philological Sciences, chief editor of Publishing House «Astrakhan University», Astrakhan State University, 410056, Russia, Astakhan, 20a Tatishchev st., e-mail: gis_00@mail.ru.

Zolotykh Lidija G., Doctor of Philological Sciences, Proffesor, Astrakhan State University, 410056, Russia, Astakhan, 20a Tatishchev st., e-mail: zolotyhlg@yandex.ru.

Conceptual, perceptual and value-shape features of a linguocultural type "Petersburger" in the Russian language consciousness as a linguocultural concept, concretized in the form of the type with certain conceptual, imaginative and value characteristics are discussed in the article. In the linguistic mentality consciousness of the media in contemporary Russian culture there is a concept of "Petersburger", elaborate on himself in the form of facial features with certain conceptual, imaginative and evaluative characteristics. Descriptions of this type are the similarities and differences in the minds of the residents of St. Petersburg and third-party observers. You can select a meaningful minimum of signs denoting this type, and associated expansion of these characteristics in works of fiction and nonfiction texts. As materials used fragments of fiction and nonfiction texts, feature-resouse linguistic-cultural type "Petersburger" in the Russian language mentality.

Keywords: linguocultural type, Petersburger, Russian linguistic mentality, national, valuable reference and perceptually-shaped characteristics, speech portrait, Russian linguistic culture

Лексическая и фразеологическая семантика в эпидигматике языкового сознания бережно сохраняет образ мира, в центре которого ценностно-смысловая модель «Человек в мире и мир человека», сформированная в социально-культурных анналах исторической памяти народа и интерпретирующая в ценностно-смысловой парадигме субъективный компонент ментальности.

Особенности когнитивно-дискурсивной деятельности человека обуславливают специфику речемыслительной природы языковой семантики, когнитивным субстратом которой является концепт как единица языкового сознания. Концепт проецирует универсальные и этноспецифические характеристики действительности во внутреннюю форму языкового знака, обуславливающую коннотации, социально значимую оценочность, образный фон и культурно-прагматический потенциал номинативных единиц. Концепты служат конструктивным смыслообразующим центром того дискурсивного поля, в рамках которого формируется языковая семантика, определяющая лингвокультурную компетенцию личности.

Обобщенные типы личностей в рамках определенной лингвокультуры и определенного исторического периода воплощают в себе важную информацию о реальности коммуникативных поведенческих норм, что предопределяется подсознательной актуализацией в языковом сознании таких языковых единиц, как стереотипные выражения, знаки-символы и образные структуры косвенно-производного характера, что существенно расширяет креативные языковые возможности в репрезентации культуры.

Среди лингвокультурных концептов выделяют лингвокультурные типажи – это узнаваемые образы представителей определённой культуры, совокупность которых и составляет культуру того или иного общества [5, с. 180–181]. В условиях современной российской действительности наблюдается актуализация проблемы определения социокультурной роли Петербурга в становлении российского гражданского общества. Несомненно, Петербург способен значительно влиять на живущих в нём людей. Этот процесс одними из первых заметили социологи, литературоведы и искусствоведы. Город трёх революций породил особый историко-культурный тип русского человека, особый характер и стиль человеческого поведения. В связи с этим мы исследуем понятийные, ценностные и перцептивно-образные характеристики лингвокультурного типажа «петербуржец» в русском языковом сознании как обобщенного образа личностей, чье поведение и чьи ценностные ориентации существенным образом влияют на лингвокультуру в целом и являются показателями этнического и социального своеобразия общества.

Исследование понятийной стороны типажа осуществляется с помощью анализа словарных дефиниций и позволяет установить его конститутивные признаки. Образные и ценностные характеристики типажа выявляются в процессе интерпретации прецедентных текстов, текстов художественной и публицистической литературы, дискурса СМИ, анкет респондентов и т.д.

Определение понятийной составляющей предполагает установление содержательного минимума на основе анализа словарных дефиниций этимологического, энциклопедического, базового уровней, исследования синонимического ряда, выявления дополнительных характеристик. Для определения содержательных компонентов в структуре номинативной части типажа «петербуржец» были проанализированы основные способы именованного исследуемого концепта в словарях русского языка. В качестве ядерной лексемы исследуемого концепта нами выбрано существительное «петербуржец» в прямом значении, что обусловлено общеупотребительностью данной лексемы и частотностью её использования для выражения содержания концепта «петербуржец» в русском языке.

ПЕТЕРБУРЖЕЦ. Житель или уроженец Санкт-Петербурга.

ПЕТЕРБУРЖЕЦ. XIX в. Так определяли свою национальную принадлежность многие видные петербуржцы [2].

ПЕТЕРБУРЖЦЫ, -цев; ПЕТЕРБУРЖЕЦ, -жца; ПЕТЕРБУРЖЕНКА, -и. Занятые петербуржцы мало интересуются теми местами столицы, которые тесно связаны с памятью преобразователя России. *М. Пришвин. В краю непуганых птиц.* – Ну, с чего же начать? Прежде всего я коренной ленинградец. Петербуржец даже. Все мои предки жили в Петербурге. *И. Грекова. Хозяйка жизни.* Я коренная петербуржка, а не петроградка и не ленинградка. *Невское время. 7 ноября 1991.* Как-то мне довелось присутствовать при... споре о том, какая речь должна быть признана правильной на театре: московская или петербургская. Савина, петербурженка до мозга костей, разумеется, настаивала на петербургской. *А. Коонен. Страницы жизни, 1975 [2].*

ПЕТЕРБУРГЦЫ, -цев; ПЕТЕРБУРГЕЦ, -гца (в им. п. обычно не употр.). Устар. Какое вам дело, мои милые петербуржцы, до того. Что говоритесь в Москве? *А. Хомяков. Письмо в Петербург по поводу железной дороги.* Петербургец или петербуржец. *К. Аксаков. Несколько слов о нашем правописании [2].*

Дополнительными номинациями концепта являются следующие лексемы: *ленинградец, петроградец, питерец, санктпетербуржец.* Их наличие обусловлено тем, что за всю историю у города на Неве было три официальных названия: Санкт-Петербург, Петроград, Ленинград и снова Санкт-Петербург: с момента основания (1703) по 1914 год – Санкт-Питербурх (варианты: Санктпитербурх, Санктъпетерьсбурк, Питербурх, Санктпетерзбурк), с 1914 по 1924 год – Петроград, с 1924 по 1991 год – Ленинград. Лексема *питерец* происходит от слова *Питер* – одного из старейших неофициальных наименований города.

Синонимический ряд *петербуржец, ленинградец, петроградец, питерец, санктпетербуржец* актуализирует вопрос об идентичности жителей Санкт-Петербурга, подробно исследованный в различных областях научного знания [см.: 27–30 и др.]. Мы затронем лишь актуальную для современной социолингвистической ситуации тему самоидентификации петербуржца. Авторы публицистических и художественных текстов преимущественно отмечают повышение этнической идентичности петербуржцев.

Несмотря на то что сегодняшние жители Санкт-Петербурга были свидетелями переименования их города из Ленинграда в Санкт-Петербург в 1991 году («...мои родные были и петербуржцами, и петроградцами, и ленинградцами, а сам я – ленинградец и петербуржец» [28]), всё же наблюдается стремление к разграничению этих национальных идентичностей и снижение толерантности к номинации *питерец*: «Не говори "Питер". Говори "Петербург". На худой конец "Ленинград". "Питер" – это московская кличка моего города» [31]; «Вот, скажем, идёт нам навстречу Питерец. О нём мы можем сказать только одно: это человек культурный и воспитанный, живёт он в Санкт-Петербурге и не любит оригинальничать (потому что скромный, или потому, что у него нет фантазии, а может быть, его зовут Галадриэль – куда уж тут оригинальнее).

<...>

Следом за ним, глядите-ка, топает Петербуржец. Он человек культурный, но невоспитанный. Свою культуру он несёт в тёмные и невежественные народные массы вполне агрессивно. Кого глаголом заживо сожжёт, кому прилагательным наподдаст, кого существительным прихлопнет, а кого и междометием пырнёт.

<...> Во-первых, я – Петербуржец. Питерец – это безграмотный вульгаризм, придуманный необразованными жителями Москвы и прочего Замкадья. <...>

А вот идёт Ленинградец. Это – человек старой закалки. Он может быть культурным, воспитанным, может быть культурным, но невоспитанным, воспитанным, но некультурным, не это главное. Главное – это то, что он родился в старые добрые времена, и примерно тогда же умер. В смысле – заживо законсервировался» [21].

Понятийные характеристики лингвокультурного типажа «петербуржец» представлены конститутивными признаками: 1) мужчина; 2) родился и живёт в Санкт-Петербурге; 3) патриот своего города; 4) использующий в своей речи специфические слова и выражения.

Образ исследуемого типажа строится на основе социометрических признаков, связанных с внешним обликом (одежда, гендер), социальным статусом (образование, происхождение, окружение, досуг), сферой деятельности и речевыми характеристиками петербуржца.

Типаж «петербуржец» в сознании носителей русской лингвокультуры наделён следующими образно-перцептивными характеристиками:

1) мужчина любого возраста, чаще средних лет, строго и элегантно одет, в одежде придерживается неброского, минималистичного стиля, предпочитает серый и другие холодные цвета;

2) сдержанный в душевных проявлениях, ведёт замкнутый образ жизни, общается с узким кругом людей, социальные контакты ограничены;

3) имеет хобби: чтение книг, решение кроссвордов, коллекционирование, посещение малых петербургских театров, болеет за футбольную команду «Зенит»;

4) речь петербуржца всегда соответствует литературной норме.

Далее рассмотрим образно-перцептивные и ценностные характеристики типажа «петербуржец» в индивидуально-авторском тексте. Ассоциативное расширение основано на интерпретативном анализе языкового выражения характеристик, представленных в текстах художественной и публицистической литературы. Образ исследуемого типажа активно используется в индивидуально-авторских текстах. В современном авторском представлении ассоциативные характеристики укладываются в модульную схему паспорта типажа и отражают внешний облик, характер жилища, семейное положение, сферу деятельности, досуг, окружение, речевые особенности. Петербуржец по стереотипному представлению авторов художественных и публицистических текстов – интеллигентный, воспитанный, мечтательный, угрюмый, замкнутый, сдержанный, пренебрежительно относящийся к материальным ценностям человек.

Представители определённых групп общества могут по-разному оценивать лингвокультурный типаж. Совокупность этих оценочных суждений выступает одной из значимых характеристик типажа – его субъектным позиционированием. Применительно к типуажу «петербуржец» релевантными субъектами позиционирования оказываются петербуржцы и жители других городов, по принадлежности к социальному институту противопоставляемые соответственно как внутренние и внешние участники институционального взаимодействия.

Субъектное позиционирование типажа «петербуржец» в современной русской лингвокультуре обладает своей спецификой: внешние участники институционального взаимодействия представлены преимущественно москвичами. Противопоставление двух крупнейших центров России – Москвы и Санкт-Петербурга – Ленинграда – бытует уже не один век. Анализ публицистических и художественных текстов показывает неоднозначные отношения, сложившиеся между москвичами и петербуржцами. Москвичи указывают на нерасторопность, меланхоличность, неэмоциональность петербуржцев. Петербуржцы, напротив, отмечают излишнюю напористость, эмоциональность и многоречивость москвичей.

Подчёркивается стремление петербуржца вести замкнутый образ жизни в отличие от коммуникабельного, открытого новым контактам москвича: «Здесь нет потребности в постоянной тусовке и трении друг о друга. Здесь интересующие друг друга люди могут годами довольствоваться знанием о том, что, вот, человек существует, я могу с ним поговорить, и с меня хватит сего сознания» [24]; «В Москве принято собирать разношёрстные компании малознакомых людей. В Петербурге собираются узким кругом своих, этих своих везде тащат с собой, если впереди замаячило благо» [33]; «Москвич – это прежде всего "свой парень", непременно открытый, контактный, душа компании, энергичный, улыбочивый, в каждое мгновение осознающий, что ему нужно делать. У него нет никаких проблем. Если же есть, он знает, как их решить. А петербуржец, если обратиться к классическим представлениям, напротив, сугубо сдержанный, необщительный, хмурый, всегда сомневающийся, погруженный в какие-то свои размышления. Они ему дороже всего. Энергии у него хватает лишь на мифический "аристократизм". Проблем он решать не умеет, а потому считает, что выше их. Сюда можно добавить нервность, заставляющую его вздрагивать от каждого слова, и болезненный, специфический сплав мнительности и самомнения: петербуржец искренне убеждён, что знает нечто, недоступное остальным, однако далеко не уверен, что это кому-нибудь интересно. Больше всего он боится показаться смешным и потому московской публичности предпочитает петербургское одиночество. Улыбается он два раза в год. А всяких шумных компаний избегает, как зачумленных. Такое вот странное, ни с чем не соразмерное существо...» [7]. В последнем приведённом фрагменте романа А. Столярова петербуржец наделён негативными характеристиками; кроме того, в понятийной составляющей типажа появляется лексема *существо*, приобретающая по отношению к человеку уничижительную эмоционально-экспрессивную окраску.

Нелюбовь к большим шумным компаниям, необщительность, стремление к уединению в полной мере относятся и к представителям петербургского андеграунда¹. Это особое культурное явление появилось в эпоху советской власти, во время тотального государственного контроля над деятелями искусства. Большое количество художественных и публицистических текстов, фильмов, песен так или иначе посвящено этой теме. В контексте нашего исследования мы коснёмся лишь общих, узнаваемых образов петербургской богемы, которые помогут нам выявить образно-перцептивные и ценностные характеристики типажа «петербуржец» в русской лингвокультуре.

Образ жизни петербуржцев андеграунда, природа их существования продиктованы особой жизненной позицией, в той или иной степени присущей всем петербуржцам. Её основные аспекты определяет А.И. Юрьев в своём социопсихологическом исследовании «Формула менталитета петербуржцев»: «1) формирование Мышления, позволяющего отличать существенное от несущественного, 2) развитие своей Воли до уровня, делающего поведение человека произвольным, 3) придание своим аффектам социально одобряемой конструктивной формы творчества, 4) усвоение полной совокупности стереотипов и стандартов поведения, достаточной для защиты от внешнего произвола» [8, с. 61].

¹ Под андеграундом (англ. *underground* – букв. *подполье*) мы понимаем ряд художественных направлений в современном искусстве (в музыке, литературе, кино, изобразительном искусстве и др.), противопоставляющих себя массовой культуре. Для андеграунда характерны разрыв с господствующей идеологией, игнорирование стилистических и языковых ограничений, отказ от общепринятых ценностей, норм, от социальных и художественных традиций, нередко эпатаж публики, бунтарство.

В индивидуально-авторских текстах выделяются следующие социометрические признаки представителей петербургского андеграунда:

1) связь с внешним обликом: «БОНТОН: носить одежду непонятную, одежду местных дизайнеров, на вопросы об этом отвечать с рассеянной улыбкой. <...> Процветает секонд-хэнд, и не из-за бедности или скупости петербуржцев, а потому, что таким образом опять посрамляется могучий враг, пытавшийся подбить горожанина на дохлое пижонство, то есть на расход» [24, с. 267]; «Мифическая эlegантность петербуржцев происходит не от хорошей жизни. Принцип сложился ещё до войны: носить тёмное, не надевать белый воротничок, не выглядеть буржуазно. <...> И до сих пор петербуржец старается сделать костюм минималистичным» [33];

2) репрезентация социального статуса (образование, происхождение, окружение, досуг): «Дети сытых родителей, семейных драм, дорогой мебели с пустыми полками для книг... Вечно читающие, сидящие по библиотекам, торчащие на выставках, ездящие по стране и всюду распространяющие и взыскующие культуру» [14, с. 75]; «...в основном бомжи – люди читающие, рисующие, некоторые пишут сценарии. Живут сообща на непонятные средства в предельной бедности» [14, с. 75]; «аристократический, артистический, наркотический и нищий Питер друзей, гостей, художников» [14, с. 91]; «Питерский стиль жизни приближался к стилю жизни "волосатых": без гастрономии вообще» [14, с. 92]; «Употребление алкоголесодержащих напитков считается в Питере занятием основательным, серьёзным, кто не пьёт – тот шпион, это уж точно, а если не шпион – значит, есть ему что скрывать, а это как дважды шпион» [14, с. 75];

3) представление речевого портрета: «...батон белого хлеба и по сей день называли "булкой", а винный – "казённой"» [14, с. 91]; «Слушать бомжа, сыплющего понятиями из Бахтина и Лакана, было дико, но всё же ничуть не удивительно здесь, на этой заплёванной площади великого города сумасшедших» [23, с. 267].

Нравственный комфорт для петербуржцев неизмеримо важнее материальных благ. Отмечается парадоксальное сочетание нищенского быта и высокой духовной культуры, не характерное для Москвы. Акцентируется внимание на равнодушном отношении петербуржцев к значительным материальным благам, способности довольствоваться малым: «Быть успешным и получать за это большие деньги – согласитесь, это совсем не петербургски» [20, с. 389]; «Быть знаменитым – некрасиво, успех ассоциируется с пошлостью, конформизмом, недалёкостью. Включённость в "большой мир" – успеха, денег, гастролей, больших тиражей, Останкина – с точки зрения петербургского сноба, абсолютно некомильфотна. Логика строится на следующем простом силлогизме: Хармса не печатали, "Избранное" Бродского не могло выйти в "Советском писателе", "Зону" Довлатова трудно было вообразить на страницах "Авроры", – так что же может представлять собой какой-нибудь Езраф Мелитопольский, опубликованный в супере тиражом тридцать тысяч? Должно быть, пошляк и проходимец» [12]; «То, что в Москве естественно и легко: в первую же минуту поинтересоваться – сколько тебе за это будут платить, в Петербурге кажется диким и неуместным. Петербуржец просто не понимает, причём тут деньги? Либо есть дело, которым стоит заняться, и тогда не имеет значения, платят за него или нет (если платят, это, конечно, намного приятнее), либо дело не стоит, чтобы на него тратить жизнь, и тогда безразлично, какая цифра будет начертана в расчётной ведомости. Подумаешь, цифра, жизнь всё равно дороже» [7]. «Ну, что до бедности: Питер вообще отличается бедностью и скромностью...» [14].

Подчёркиваются чувство внутреннего достоинства и отсутствие честолюбия, равнодушие к славе, присущее петербуржцам, в отличие от москвичей.

чей: «...в моём городе писатели никогда не дают телеинтервью. Смешно даже представить, будто, улыбаясь в камеру, кто-либо из петербургских мэтров слова стал бы лихо самопиариться и зазывать публику на собственный поэзоконцерт. Угрюмые, никогда не улыбающиеся, понятия не имеющие о том, как вести себя перед журналистами, петербургские литераторы проводят вечера в подвале галереи "Борей" и никогда не видят солнечного света» [11, с. 389–390].

Примечательно, что даже такие черты нравственного облика петербуржца, как пассивность, отсутствие честолюбивых планов, неспособность к активным действиям (причём как в общественной, так в личной жизни), не маркируют типаж отрицательно, а, скорее, обогащают его новыми образно-перцептивными характеристиками, позволяя авторам художественных и публицистических текстов полнее раскрыть вопрос об интеллигентности, аристократизме и чувстве собственного достоинства, присущих петербуржцу:

«Слабость и вялость (которые в культурном типе петербуржца сходят за утончённую интеллигентность) ставят мощный заслон на пути любых пассионарных идей и людей.

Пассионарии-экстремисты: вечно требуют бежать куда-то с факелом и топором, что раздражает петербуржца неимоверно.

Поэтому любые разновидности фашизма неприемлемы для петербуржцев не интеллектуально, а физиологически.

Другое дело экстремистские философские сочинения, которые в большом количестве пишут питерские интеллектуалы, создания, личной безобидностью своей сравнимые с божьими коровками.

Сочинения о том, как эффективнее приблизить конец света, имеют успех, полностью заменяя все реальные экстремистские действия» [24];

«Питереца многие считают пессимистом – а зря. Таких оптимистов даже на Ямайке уже не осталось – всех прибрал Джа. Питерец не бежит, не борется и не стремится. Кажется, что вон тот миленький кубок, издали так похожий на золотой, ему совсем не нужен. Что ему вообще ничего в жизни не надо, что он не верит в себя и опустил руки. Однако это иллюзия. Питерец прекрасно понимает, кто на самом деле достоин кубка, и ждёт, когда это дойдёт до окружающих» [21].

Если любовь, семейные отношения для москвича – это череда стремительно сменяющих друг друга событий, где нет места долгим ухаживаниями мучительным раздумьям, то петербуржец может довольствоваться лишь возможностью романтических отношений, идеализировать их, не стремясь при этом ни к браку, ни даже просто к активным ухаживаниям: *«Надо же, какие умные, какие догадливые и решительные эти москвичи – всё понял и организовал в две минуты. Питерец бы послушно гулял и любовался ещё десять лет кряду» [21]; «Моветон: жениться и разводиться. Бонтон: жить, как живётся. Конечно, молодые люди в Петербурге женятся, но по одной причине: по наивности и беспечности. Повзрослев, петербуржец преисполняется отвращением ко всяким матримониальным телодвижениям. <...>*

Самая распространённая в Питере модель love story такова: мужчина пришёл к женщине, в два часа развели мосты, он остался ночевать, потом лень было тащиться домой... Потом пошли дети.

Не существуй этой милой питерской заморочки, её стоило бы выдумать» [24].

Что же касается внутренних участников институционального взаимодействия, то есть петербуржцев, то их субъектное позиционирование характеризуется стремлением к дифференциации жителей города на коренных петербуржцев и приезжих, а также выраженным патриотизмом и идеализацией Санкт-Петербурга, приданием городу романтического ореола, который, несомненно, влияет и на живущих в нём людей: *«Говорят, что петербуржец –*

это отдельная национальность. И я действительно думаю, что это так. Мы и правда сумасшедшие – но в этом наша красота. Мы такие ранимые, очень трогательные в своей задумчивости и рефлексии» [32]; «Чтобы почувствовать себя москвичом, достаточно прожить в Москве несколько лет. Чтобы стать петербуржцем, нужно родиться им в третьем поколении» [33]; «Нельзя жить в настолько концентрированном произведении искусства, и не облагородиться» (<http://vetertann.livejournal.com/342771.html>); «Быть петербуржцем – это значит быть мифологическим персонажем. Потому что этот город – миф. Здесь не живут обычные люди. Обычному человеку тут нечего делать. Но если ты мифический персонаж, сказитель или создатель мифов, добро пожаловать сюда» (<http://www.kp.ru/daily/26171.4/3057526/>).

В русской культуре постепенно сложилось устойчивое представление о Петербурге как о городе сумасшедших, городе-безумце, что, несомненно, отразилось в формировании образа петербуржца в русской лингвокультуре: *«Этот город полусумасшедших. Если б у нас были науки, то медики, юристы и философы могли бы сделать над Петербургом драгоценнейшие исследования, каждый по своей специальности. Редко где найдётся столько мрачных, резких и странных влияний на душу человека, как в Петербурге. Чего стоят одни климатические влияния!» [25, с. 357]; «Есть классический ряд безумцев русской литературы – и все (почти) они безумцы петербургские: Евгений, Герман, Поприщин, Чертков, Голядкин, Вася Шумков, герои романа Белого...» [26, с. 307]; «Город плодит сумасшедших в таких количествах, что среди них есть место любому виду помешательства...» [23, с. 229]; «к нам и приезжают-то потенциальные сумасшедшие <...> С другой стороны, мы – сугубая компания, с кем поведёшься, с нами у кого хошь крыша поедет, не будем скромничать» [9].*

Петербург – персонифицированный город: это петербуржцы, имеющие определённые манеры, характер, менталитет и т.д. Горожане, с одной стороны, создают настроение и культуру города, а с другой стороны, являются заложниками города, его культуры, традиций, истории. Петербуржцам всегда были присущи ощущение особого, символического значения своего города и самоидентификация с ним.

В.А. Ачкасов в статье «Петербургская идентичность» весьма точно отмечает: «В различных контекстах русской истории, от периода империи, через революцию, советскую эпоху и до наших дней, роль Петербурга и его значение в глазах "внутренних" и "внешних" наблюдателей менялись, как и менялись его идентичности ("окно в Европу", имперская столица, город трёх революций, "великий город с областной судьбой"). Однако в любом случае город всегда оставался мощным источником европеизации русской культуры. Как пишет сегодня Е. Хеллберг-Хирн: "Этот странный трагический город всегда являлся иным, противопоставляя себя Москве и остальной части России. Будучи северной столицей страны, Санкт-Петербург оставался её неотъемлемой частью, выражением её сути. Но даже в такой роли город всё равно был своим для иностранцев и чужим для собственного населения"» [4].

Образ петербуржца в русской прозе и публицистике с течением времени менялся. О том, каким образом это происходило, даёт представление статья Е. Игнатовой «О нравах». В целом в русской литературе в образах петербуржцев преобладали такие черты, как индивидуализм, холодность (граничащая с надменностью), вежливость. В литературе XIX века «петербуржец – оторванный от национальных корней индивидуалист, он жесток и рационален; при этом нередко случается, что этот рационализм граничит с безумием. Вспомним хотя бы Германна из "Пиковой дамы", героев Достоевского, толстовского Каренина, отца и сына Аблеуховых из романа Андрея Белого "Петербург". Холодная вежливость петербуржца граничит с над-

менностью, а чиновничье равнодушие и спесь – с грубостью. Всё в этом городе чуждо и враждебно человеческому чувству – и не случайно лучшие страницы "петербургской" литературы пронизаны жалостью и сочувствием к "маленьким людям" столицы. Петербург изначально – "вымышленный" город, он чужд России, и характер его жителей отличается от характера москвичей и вообще большинства русских людей» [6].

В 2010 году была завершена пятилетняя работа над документом под названием «Нравственный кодекс петербуржца», в котором были осмыслены культурные и нравственные аспекты петербургского менталитета. Авторы художественных произведений и публицистических текстов указывают на особый национальный статус петербуржца: «Ещё в двадцатые годы Сергей Дягилев, тот, который в начале века организовывал знаменитые Русские сезоны в Париже, отвечая на вопрос одной из анкет, в графе "национальность" начертал – "петербуржец". Он нисколько не преувеличивал. Такая национальность действительно существует. Ведь не только люди создают города, обустроивая их в соответствии со своими представлениями о жизни, но и города создают людей, трансформируя их по своему образу и подобию. Не знаю, чем Петербург так воздействует на человека – видимо, всей своей атмосферой, где сошлись сон и явь, – однако люди здесь действительно не такие, как в других городах» [7].

Формулы-клише, давно и прочно утвердившиеся в номинации Петербурга – «иностранец в родном Отечестве», «самый нерусский город России», «европеец в азиатской стране», – находят отражение в самоидентификации петербуржцев: «<...> я не настоящий русский. Я живу в Петербурге» [10, с. 357]. Фактическая принадлежность к русской нации не отрицается, но в то же время имеет место позиционирование себя истинным петербуржцем, обособленным от остальных жителей своей страны. За объяснением этого социального явления обратимся к исследованию А.И. Юрьева: «Петербургцы – это масса людей, оторванных по воле императора от родных корней в глубинке России, поставленных на границе государства лицом к лицу с новой Европой <...>

Несомненно, Пётр Великий сделал Санкт-Петербург сознательно городом-матрицей для формирования популяции граждан России, целиком сосредоточенных на процессах познания, понимания, открытий, изобретений мирового уровня. Это стало предназначением петербуржцев, сформировав их своеобразный менталитет людей, забывших радости национальной жизни в виде плясок и частушек, и не нашедших себя в Европе, как шведы или финны» [8, с. 64].

Способность города колоссально влиять на живущих в нём людей и целенаправленно изменять своих жителей в нужную ему сторону нередко связывается с климатическими условиями и географическим положением: «Полоса белых ночей, болотных испарений (рудничного газа, в частности), а также обилие призраков издревле развивают в островитянах (петербуржцах – прим. авт.) склонность к визионерству, шаманизму, экстатическим состояниям, наркотическим сновидениям. Их чувство реальности сильно поколеблено, они наивны, суеверны, тянутся ко всякого рода магии и ворожбе, благоговеют перед словесными формами занятий.

Воздействие атлантических и континентальных воздушных масс, частые вхождения арктического воздуха, а также активная циклоническая деятельность обуславливают крайне неустойчивый режим погоды во все времена года, а также крайне неустойчивый нрав островитян, их метеопатичность, истеричность, изменчивость, назойливую мечтательность, вздорность, женственную манеру вести себя под влиянием минутного порыва или перепада атмосферного давления весьма экстравагантно» [9].

Речь петербуржца – это особая исторически сложившаяся совокупность лексических, орфоэпических и интонационных норм. В художественной литературе и публицистических текстах петербуржец предстаёт как носитель элитарной речевой культуры: *«Петербург всегда отличался особым стилем речи, чистым и нейтральным языком, наиболее близким к литературному. В качестве объяснения причины этого вы можете сказать, что Петербург долгое время являлся литературной столицей России, здесь формировались литературные традиции. Но почему рабочий Петербурга, не связанный с литературой, говорит чище, чем рабочий из другого города? <...> Житель Петербурга гораздо больше склонен добиваться какой-то ясности, чистоты и чёткости собственной речи потому, что именно чистота и чёткость речи обеспечивают ему требуемую внутреннюю устойчивость и стабильность на ментальном уровне»* [13]; *«Для питерца слово – это самая совершенная гиря. Он долго взвешивает её, он хочет быть предельно точным. Его слово должно абсолютно достоверно отражать суть предмета. <...> Когда каждое слово имеет значение – возникает вера в это самое слово. Предложения, созданные скрупулёзным буквоедом-питерцем, становятся произведениями искусства»* [21]; *«Истинный Петербуржец использует в своей речи только нормативные выражения, его русский язык: чистый, точный, вежливый, немногословный, красивый и простой»* [19].

Подчёркивается и свойственная петербуржцам манера обращаться к людям на «вы»: *«...И зачем это странное "вы"? Ах да, это такая питерская манера»* [14]; *«Питерцу нужно достаточное обоснование для того, чтобы перейти с кем-то на "ты". Во-первых, этот человек должен быть ему симпатичен. Во-вторых, он должен быть с ним в одной "весовой категории": возрастной, статусной, гендерной. Если наблюдается серьёзный перекося чашки весов в любую сторону, питерец на "ты" переходить не станет. Но даже полное равновесие и абсолютная взаимная симпатия не дают никаких гарантий. Питерец может решить, что ещё не время для "тыканья". В самом деле, если вы дружите с человеком с первого класса или живёте с ним вместе около двадцати лет, это ещё не повод отказываться от вежливого обращения»* [21].

В то же время отмечается, что безупречные манеры поведения петербуржцев обоснованы вовсе не вежливостью, а их особым замкнутым стилем жизни, отстранённостью, стремлением изолировать себя от раздражителя – внешнего мира. Это маркирует типаж отрицательно: *«Говорят, в Петербурге редко хаяют в транспорте... и никогда не переходят с "вы" на "ты"... но дело не в вежливости... просто в моём городе не принято пускать людей дальше прихожей... принято проживать жизнь застёгнутым до самого кадыка»* [20, с. 85].

Присутствие в оценочной составляющей лингвокультурного типажа «петербуржец» положительных и отрицательных характеристик свидетельствует о его аксиологической амбивалентности.

В речевом портрете типажа, складывающегося в дискурсе СМИ, можно проследить функционирование ряда специфических, присущих только речевой манере петербуржца номинативных единиц, являющихся результатом столкновения литературной нормы и жаргона. Это особый петербургский словарь, представленный как нарицательными, так и собственными именами существительными, ср.: *парадная* (подъезд), *под кепочкой* (место встречи у памятника В.И. Ленину), *поребрик* (бордюр), *шаверма* (шаурма), *булка* (батон), *кура* (курятина), *греча* (гречка), *точка*, *точечный дом*, *игла* (многоэтажный одноподъездный жилой дом), *карточка* (проездной), *бадлон* (водолазка), *бобочка* (безрукавка), *латка* (утятница), *декабрист* (осуждённый за мелкое хулиганство, от декабрьского постановления Верховного Совета СССР 1973 г. «Об усилении

наказания за мелкое хулиганство»), *Финбан* (Финляндский вокзал, сокращение от немецкого перевода *Finnischer Bahnhof*), *Аппендицит* (буфет от Литературного кафе, Невский пр., 18), *Бабкин сад* (сад за Смольным монастырём у Невы), *Апрашка* (Апраксин двор), *Батя* (Балтийский вокзал), *Белка* (улица Белы Куна), *Подземелье* (театральная касса на Невском) и т.д.

Приведённые лексемы и множество других жаргонных слов и выражений, широко используемых петербуржцами в повседневной разговорной речи, легли в основу «Словаря петербуржца» [1; 2] известного исследователя петербургского городского фольклора Наума Александровича Синдаловского. Систематизированная им картотека насчитывает более восьми тысяч единиц сугубо петербургских жаргонных слов и выражений, почерпнутых исследователем в дневниковых, мемуарных, бытописательских и других литературных источниках, а также из передач радио и телевидения, письменных и устных сообщений самих горожан.

Специфические особенности речевого портрета петербуржца касаются не только словоупотребления, но и орфоэпии: *«Жителей Петербурга часто можно узнать и по редуцированным предупредным гласным. Если москвичи в слове "сестра" произносят нечто среднее между "е" и "и", у жителей Санкт-Петербурга там слышится "и"»* [16]; *«В частности, петербуржцы произносят чёткий "ч" в слове булочная и др. (а многие коренные петербуржцы старшего поколения и в словах "что", "конечно")... также налицо более твёрдый "ж" в словах вожжи, дрожжи, дождь и др.»* [17]. В ряде публицистических и научных изданий отмечается тяготение речи петербуржцев к письменной литературно-канцелярской, а не к устной норме: *«Мы, петербуржцы, вызвучиваем каждую букву...»* (доктор филологических наук заместитель директора Института русской литературы РАН Владимир Котельников) [18]; *«На Невском произносили слова более книжно, „буквенно“, под влиянием правописания»* (научный сотрудник лаборатории этимологических исследований МГУ имени М.В. Ломоносова Людмила Баш) [16]; *«Истинный Петербуржец использует в своей речи только нормативные выражения, его русский язык: чистый, точный, вежливый, немногословный, красивый и простой»* [19].

Языковой динамизм проявляется в столкновении между функциональной целесообразностью и эстетической обогащённостью номинативных единиц в структуре исконно петербургских образных выражений. Такие окказиональные косвенно-производные единицы вызывают переосмысление эстетических функций языка и образуют специфический пласт в лексическо-фразеологической системе петербуржца: *«...Например, можно попросить его продолжить знаменитую дразнилку про "жадину-говядину". В исполнении уроженца города на Неве она будет звучать так: "Жадина-говядина, / пустая шоколадина, / сосисками набитая, / на меня сердитая"»* [15]; *«Дурак умного догоняет, да Исаакий мешает. Коля Петю догоняет, да Исаакий мешает. О памятниках Петру I и Николаю I, отделённых друг от друга Исаакиевским собором»* [2]; *«Если строить, то только... Эрмитаж. Если что-то делать, то делать хорошо»* [2]; *«С тобой спорить только у Фонтанки. Спорить бесполезно, легче утопиться»* [2]; *«Это не прогулка по Невскому проспекту. Так говорят о трудном деле, которое, на первый взгляд, казалось лёгким и простым»* [2]; *«Даже из Купчина можно успеть. Времени ещё вполне достаточно»* [2] и др.

Заключительная часть настоящей статьи посвящена исследованию образно-перцептивных и ценностных характеристик лингвокультурного типажа «петербуржец» в сознании жителей Санкт-Петербурга и так называемых сторонних наблюдателей (жителей других регионов России). Для изучения языковой объективации концепта «петербуржец» мы применили метод направ-

ленного ассоциативного эксперимента, который является наиболее наглядным способом описания реального языкового сознания носителей языка и даёт богатый и наиболее достоверный материал для исследования концептов в актуальном языковом сознании народа [34, с. 130]. В эксперименте приняли участие 202 жителя Санкт-Петербурга обоих полов и 210 жителей других регионов России, в возрасте от 22 до 66 лет, разного социального положения. Респондентам посредством заполнения анкет, размещённых в Интернете, предлагалось дать три ассоциативные реакции на слово-стимул «петербуржец».

Результаты эксперимента были обобщены и систематизированы (см. табл.), что позволило сформировать ассоциативное поле лингвокультурного концепта «петербуржец», состоящее из 947 ассоциатов, которые были подвергнуты процедуре когнитивной интерпретации. Близкие по семантическому содержанию ассоциаты обобщены нами в когнитивные признаки, которые затем ранжированы по убыванию их яркости (за индекс яркости признака мы приняли отношение общего количества ассоциатов, репрезентирующих данный признак, к общему числу испытуемых). Всего в содержании лингвокультурного концепта «петербуржец» было выявлено 56 когнитивных признаков, что свидетельствует о разнообразии способов концептуализации петербуржца русским языковым сознанием.

Когнитивные признаки, образующие содержание лингвокультурного концепта, различаются по степени яркости в сознании их носителей и упорядочиваются в структуре концепта по полевому принципу – ядро, ближняя, дальняя и крайняя периферия: чем выше индекс яркости признака, тем он важнее для сознания.

Таблица

**Полевая организация концепта «петербуржец»
(по результатам ассоциативного эксперимента)**

Ядро (9 %)
<i>интеллигентный (138), образованный (119), спокойный (95), замкнутый (73), старомодный (64)</i>
Ближняя периферия (18 %)
<i>культурно себя ведёт (52), с хорошим воспитанием (51), уважает традиции (45), не ругается матом (34), молчаливый (28), вежливый (24), читает книги (22), любит свой город (18), читает стихи (16), одет во всё серое (15)</i>
Дальняя периферия (26 %)
<i>консервативный (12), любит белые ночи (12), болеет за «Зенит» (12), ходит в музеи и театры (10), угрюмый (9), носит шляпу (9), не делает карьеру (8), любит Бродского (7), весь в себе (5), ходит с зонтом (5), говорит «кура» вместо «курица» (5), рисует на холстах (4), страдает от насморка (4), настоящий аристократ (4), честный (4)</i>
Крайняя периферия (47 %)
<i>гуляет под дождём (3), не хвастается (3), странный (2), фотографирует Исаакий (2), высокомерный (2), часто болеет (2), ходит в Эрмитаж (2), романтичный (2), пишет стихи (2), странный (2), никуда не спешит (2), эlegantный (2), творческий (2), принципиальный (2), читает газету (2), не умеет зарабатывать деньги (1), не ходит в гости (1), выращивает цветы на балконе (1), задумчивый (1), сидит в библиотеке (1), обедает на Невском (1), мечтает (1), пьёт много кофе (1), негостеприимный (1), ругает власть (1), любит мосты (1)</i>

Иерархия когнитивных признаков позволяет заключить, что наиболее актуальными являются признаки, эксплицирующие моральные качества, интеллект и социальное поведение. Русское когнитивное сознание экспонировало петербуржца как мужчину, сдержанного в душевных проявлениях, образован-

ного, интеллигентного, речь которого соответствует литературной норме и обладает рядом специфических признаков (особый словарь), а также идеализированное представление о нём (*мечтатель, романтик, индивидуалист*).

Таким образом, можно номинировать основные черты лингвокультурного типажа «петербуржец» в русском языковом сознании: аристократизм, сдержанность, замкнутость, мечтательность, индивидуализм, пренебрежительное отношение к материальным ценностям. «Типичный» петербуржец видится, прежде всего, как интеллигент и традиционалист. Основными образно-перцептивными и оценочными характеристиками исследуемого типажа являются: спокойствие, отсутствие агрессии, суетливости, немногословность, консерватизм, вежливость, воспитанность, гордость за свой город, любовь к нему, внутренняя культура, закрытость, скованность.

Список литературы

1. Синдаловский Н. А. Словарь петербуржца. Лексикон Северной столицы. История и современность / Н. А. Синдаловский. – Москва : Центрполиграф, 2014. – 650 с. – ISBN 978-5-227-05162-2.
2. Синдаловский Н. А. Словарь Петербуржца : справочное издание / Н. А. Синдаловский. – Санкт-Петербург : Норинт, 2003. – 320 с. – ISBN 5-7711-0132-X.
3. Русские названия жителей: словарь-справочник / И. Л. Городецкая, Е. А. Левашов; под ред. Е. А. Левашова. – Москва : ООО «Русские словари» : ООО «Издательство Астрель» : ООО «Издательство АСТ», 2003. – 363, [5] с. – ISBN 5-93259-033-5 (ООО «Русские словари»); ISBN 5-17-016914-0 (ООО «Издательство АСТ»); ISBN 5-271-05846-8 (ООО «Издательство Астрель»).
4. Ачкасов В. А. Петербургская идентичность / В. А. Ачкасов. – Режим доступа: http://www.spbdn.ru/index/etnotematica/nauchnietrudi/peterburgskaya_identichnost.html, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
5. Карасик В. И. Языковые ключи : монография / В. И. Карасик. – Москва, 2009. – 406 с. – ISBN 978-5-94244-030-5.
6. Игнатова Е. О нравах / Е. Игнатова // Вестник. – 1998. – № 11 (192). – Режим доступа: <http://www.vestnik.com/issues/98/0526/win/ignatova.htm>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
7. Столяров А. Не знает заката / А. Столяров // Нева. – 2005. – № 10–11. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/neva/2005/11/sto2.html>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
8. Юрьев А. И. Формула менталитета петербуржцев / А. И. Юрьев // Москва – Петербург. Российские столицы в исторической перспективе : сб. ст. – Санкт-Петербург, 2003. – С. 38–64.
9. Галкина Н. Архипелаг Святого Петра / Н. Галкина // Нева. – 1999. – № 4. – Режим доступа: <http://www.litru.ru/?book=36029&description=1>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
10. Стогов И. Мачо не плачут / И. Стогов. – Санкт-Петербург : Амфора, 2006. – 398 с. – ISBN 5-367-00244-7.
11. Стогов И. mASIAfucker. 13 месяцев / И. Стогов. – Санкт-Петербург : Амфора, 2008. – 473 с. – ISBN 978-5-367-00446-5.
12. Лурье Л. Корни и крона петербургского снобизма / Л. Лурье // Искусство кино. – 2000. – № 7. – Режим доступа: <http://kinoart.ru/2000/n7-article15.html>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
13. Розов С. П. Петербуржец – особый вид человека / С. П. Розов // Газета «Зеркало Петербурга». – Режим доступа: <http://zerkalospb.narod.ru/peterburzec.html>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
14. Вяльцев А. Путешествия в одну сторону. Опыт мифологизации прошлого / А. Вяльцев // Звезда. – 2001. – № 6. – С. 65–105.

15. Вы петербуржец, если... // Аргументы и Факты. – 24.05.2013. – Режим доступа: <http://www.spb.aif.ru/society/136348>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
16. Новосёлова Е. Тротуар против панели. 76 различий в словаре москвичей и питерцев / Е. Новосёлова // Российская газета. – 21.06.2005. – № 3800. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2005/06/21/slovarj.html>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
17. Различия в речи москвичей и петербуржцев. – Режим доступа: ru.wikipedia.org, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
18. Безрукова Л. «И голос музы еле слышный...»; Стихами ль говорит Нева? / Л. Безрукова // Нева. – 2004. – № 2. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/neva/2004/2/bez.html>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
19. А ты настоящий петербуржец? / М. Гончаров, А. Яушев // Фонтанка.ру. – 17.07.2008. – Режим доступа: <http://www.fontanka.ru/2008/07/17/101>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
20. Стогов И. 1999. Роман в стиле техно / И. Стогов. – Санкт-Петербург : Амфора, 2004. – 272 с. – ISBN 5-94278-516-3.
21. Лукас О. Поребрик из бордюрного камня / О. Лукас. – Санкт-Петербург : Комильфо, 2010. – 192 с. – ISBN 978-5-91339-101-8.
22. Лукас О. Поребрик наносит ответный удар / О. Лукас. – Санкт-Петербург : Комильфо, 2013. – ISBN 978-5-91339-291-0.
23. Вересов Д. Третья тетрадь: роман-отражение / Д. Вересов. – Москва : АСТ : Санкт-Петербург : Астрель-СПб., 2010. – 315 с. – ISBN 978-5-17-062346-4 (ООО «Издательство АСТ») ; ISBN 978-5-9725-1639-1 (ООО «Астрель-СПб»).
24. Привычки и нравы петербуржцев. – Режим доступа: <http://ua-ipiterg.narod.ru/index/0-47>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
25. Достоевский Ф. М. Преступление и наказание / Ф. М. Достоевский. – Москва : Эксмо, 2007.
26. Бочаров С. Г. Петербургское безумие / С. Г. Бочаров // Пушкинский сборник / сост. И. Лоцилов, И. Сураг. – Москва, 2005. – С. 305–317.
27. Рабжаева М. В. Какая идентичность у жителей Санкт-Петербурга? / М. В. Рабжаева, В. Е. Семенов // СоцИс. – 2003. – № 3. – С. 82–89.
28. Уралов И. Ленинградец о Петербурге. Петербуржец о Ленинграде / И. Уралов. – Режим доступа: <http://karovka.com/2014/02/07/156879/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
29. Арнольд И. В. Идентичность петербуржцев / И. В. Арнольд // Учёные записки : сб. науч. тр. – Санкт-Петербург : ЛГОУ им. А.С. Пушкина, 2003. – Т. IX: Вопросы германской и романской филологии, вып. 2. – С. 3–10.
30. Ахнаева Н. А. Феномен петербургской идентичности: анализ конструирования и функционирования : дис. ... канд. соц. наук / Н. А. Ахнаева. – Санкт-Петербург, 2004. – 126 с.
31. Стогов И. Камикадзе / И. Стогов. – Санкт-Петербург : Астрель, 2012. – 288 с. – ISBN 978-5-271-42643-8.
32. Петербуржцы о Петербурге. – Режим доступа: <http://piterbu.ru/pozitiv/4811-peterburzhtsy-o-peterburge>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
33. 14 отличий петербуржцев от москвичей. – Режим доступа: <http://www.timeout.ru/msk/feature/27005>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
34. Попова З. Д. Семантико-когнитивный анализ языка : монография / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2006. – 226 с.

References

1. Sindalovskij N. A. Slovar' peterburzhca. Leksikon Severnoj stolicy. Istorija i sovremennost'. Moscow, Centrpoligraf, 2014. 650 p. ISBN 978-5-227-05162-2.
2. Sindalovskij N. A. Slovar' Peterburzhca. St. Petersburg, 2003. 320 p. ISBN 5-7711-0132-H.
3. Russkie nazvanija zhitelej: slovar'-spravochnik / I. L. Gorodeckaja, E. A. Levashov; ed. E. A. Levashov. Moscow, Russkie slovari, Izdatel'stvo «Astrel», Izdatel'stvo «AST», 2003. 363, [5] p. ISBN 5-93259-033-5 («Russkie slovari»); ISBN 5-17-016914-0 («Izdatel'stvo AST»); ISBN 5-271-05846-8 («Izdatel'stvo Astrel»).
4. Achkasov V. A. Peterburgskaja identichnost'. Available at: http://www.spbdn.ru/index/etnotematika/nauchnietrudi/peterburgskaya_identichnost.html.
5. Karasik V. I. Jazykovye kljuchi. Moscow, 2009. 406 p. ISBN 978-5-94244-030-5.
6. Ignatova E. O nrvah // Vestnik. 1998. № 11 (192). Available at: <http://www.vestnik.com/issues/98/0526/win/ignatova.htm>.
7. Stoljarov A. Ne znaet zakata // Neva. 2005. № 10–11. Available at: <http://magazines.russ.ru/neva/2005/11/sto2.html>.
8. Jur'ev A. I. Formula mentaliteta peterburzhcev // Moskva – Peterburg. Rossijskie stolicy v istoricheskoj perspektive. St. Petersburg, 2003. pp. 38–64.
9. Galkina N. Arhipelag Svjatogo Petra // Neva. 1999. № 4. Available at: <http://www.litru.ru/?book=36029&description=1>.
10. Stogov I. Macho ne plachut. St. Petersburg, Amfora, 2006. 398 p. ISBN 5-367-00244-7.
11. Stogov I. mASIAfucker. 13 mesjacev. St. Petersburg, Amfora, 2008. 473 p. ISBN 978-5-367-00446-5.
12. Lur'e L. Kornj i krona peterburgskogo snobizma // Iskusstvo kino, 2000, № 7. Available at: <http://kinoart.ru/2000/n7-article15.html>.
13. Rozov S. P. Peterburzhec – osobyj vid cheloveka // Gazeta «Zerkalo Peterburga». Available at: <http://zerkalospb.narod.ru/peterburzhec.html>.
14. Vjal'cev A. Puteshestvija v odnu storonu. Opyt mifologizacii proshlogo // Zvezda, 2001, № 6, pp. 65–105.
15. Vy peterburzhec, esli... // Argumenty i Fakty. 24.05.2013. <http://www.spb.aif.ru/society/136348>.
16. Novosjolova E. Trotuar protiv paneli. 76 razlichij v slovare moskvichej i petercev // Rossijskaja gazeta. 21.06.2005. № 3800. Available at: <http://www.rg.ru/2005/06/21/slovarj.html>.
17. Razlichija v rechi moskvichej i peterburzhcev. Available at: ru.wikipedia.org.
18. Bezrukova L. «I golos muzy ele slyshnyj...»; Stihami I' govorit Neva? // Neva, 2004, № 2. Available at: <http://magazines.russ.ru/neva/2004/2/bez.html>.
19. A ty nastojashhij peterburzhec? / M. Goncharov, A. Jaushev // Fontanka.ru. 17.07.2008. Available at: <http://www.fontanka.ru/2008/07/17/101>.
20. Stogov I. 1999. Roman v stile tehno. St. Petersburg, Amfora, 2004. 272 p. ISBN 5-94278-516-3.
21. Lukas O. Porebrik iz bordjurnogo kamnja. St. Petersburg, Komil'fo, 2010. 192 p. ISBN 978-5-91339-101-8.
22. Lukas O. Porebrik nanosit otvetnyj udar. St. Petersburg, Komil'fo, 2013. ISBN 978-5-91339-291-0.
23. Veresov D. Tret'ja tetrad': roman-otrazhenie. Moscow, AST, St. Petersburg, Astrel'-SPb., 2010. 315 p. ISBN 978-5-17-062346-4 («Izdatel'stvo AST»); ISBN 978-5-9725-1639-1 (Astrel'-SPb).
24. Privychki i nrvy peterburzhcev. Available at: <http://ya-i-piter.narod.ru/index/0-47>.
25. Dostoevskij F. M. Prestuplenie i nakazanie. Moscow, Jeksmo, 2007.

26. Bocharov S. G. Peterburgskoe bezumie // Pushkinskij sbornik. Moscow, 2005, pp. 305–317.
27. Rabzhaeva M. V., Semenov V. E. Kakaja identichnost' u zhitelej Sankt-Peterburga? // Socls, 2003, № 3, pp. 82–89.
28. Uralov I. Leningradec o Peterburge. Peterburzhec o Leningrade. Available at: <http://karpovka.com/2014/02/07/156879/>.
29. Arnol'd I. V. Identichnost' peterburzhcev // Uchjonye zapiski. St. Petersburg, 2003. Vol. IX: Voprosy germanskoj i romanskoj filologii, iss. 2, pp. 3–10.
30. Ahnaeva N. A. Fenomen peterburgskoj identichnosti: analiz konstruirovaniya i funkcionirovaniya. St. Petersburg, 2004. 126 p.
31. Stogov I. Kamikadze. St. Petersburg, Astrel', 2012. 288 p. ISBN 978-5-271-42643-8.
32. Peterburzhcy o Peterburge. Available at: <http://piterbu.ru/pozitiv/4811-peterburzhtsy-o-peterburge>.
33. 14 otlichij peterburzhcev ot moskvichej. Available at: <http://www.timeout.ru/msk/feature/27005>.
34. Popova Z. D., Sternin I. A. Semantiko-kognitivnyj analiz jazyka. Voronezh, Istoki, 2006. 226 p.

ДИСКУРС МАСС-МЕДИА И ИНТЕГРИРОВАННЫЕ КОММУНИКАЦИИ: СИСТЕМА КОРРЕЛЯЦИЙ

Казиева Диана Ахматовна, кандидат филологических наук, заместитель руководителя Дирекции по связям с общественностью ОАО «МРСК Северного Кавказа», 357503, Россия, г. Пятигорск, пос. Энергетик, ул. Подстанционная, 13а, e-mail: Diana-c@yandex.ru.

Статья посвящена выявлению и параметрированию системы корреляций дискурса масс-медиа и интегрированных коммуникаций, характеризующихся как активные коммуникативные процессы в современном мире. Дискурс масс-медиа имеет в современном мире приоритетное значение применительно к инновациям, которые претерпевает языковая система. Изучение интегрированных коммуникаций и дискурса масс-медиа в целом должно вестись с позиций когнитивно-дискурсивного подхода, позволяющего выявить и описать элокутивный потенциал данных феноменов и их перлокутивный эффект.

Ключевые слова: масс-медиа, дискурс, языковая система, интегрированные коммуникации, когнитивно-речевая деятельность

THE DISCOURSE OF THE MASS MEDIA AND INTEGRATED COMMUNICATIONS: SYSTEM OF CORRELATIONS

Kazieva Diana A., Candidate of Philological Sciences, Deputy Head of the Directorate of Public Relations of JSC "IDGC of the North Caucasus" 357503, Russia, Pyatigorsk, village Energetic, 13a Podstantsionnaya st., e-mail: Diana-c@yandex.ru.

The article is devoted to the identification and parameterization of the correlation of discourse of the media and integrated communications, characterized as active communication processes in the modern world. The discourse of the mass media in the modern world has priority with respect to innovation, which is undergoing a language system. The study of integrated communications and media discourse as a whole should be conducted from the standpoint of cognitive diskursivnogopodhoda allowing to identify and describe potential elokutivny these phenomena and their perlocutionary effect.

Keywords: media, discourse, language system, integrated communications, cognitive-speech activity